

СЕЙЧАСТЛИВАЯ ДЕВОЧКА

АВТОР: ЛАНА ЛЕВИНА

ИЛЛЮСТРАТОР: ВАЛЕРИЯ БОГДАНЦЕВА

Лана Левина

Сейчасчастливая девочка

«Автор»

2023

Левина Л.

Сейчасливая девочка / Л. Левина — «Автор», 2023

Эта книга написана психологом и основана на реальных историях из детства автора. Описанные в книге события имеют психологические пояснения, что даёт возможность посмотреть на действия людей с разных сторон и узнать себя в некоторых из них. Издание даёт возможность взглянуть на переживания главной героини, девочки Светы, и понять, как выглядит взрослый мир глазами ребёнка. Как рождаются первые травмы, убеждения и как принимаются решения. Книга будет полезна для всех, кто стремится разобраться в себе и разгадать поступки других людей, кто является родителем и хочет лучше понимать своих детей. Основная задача книги - показать, что в любых обстоятельствах человек намного больше, чем думает о себе.

© Левина Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Глава 1. Взрослая жизнь мамы	7
Глава 2. Очарование и разочарование	9
Глава 3. Папа, скажи, что мне послышалось	10
Глава 4. Рождение	12
Глава 5. Я не такая, какой меня хотят видеть	13
Глава 6. Внутри мамы соперничают два волка	14
Глава 7. Ребёнок при рождении похож на папу	16
Глава 8. Мама – кормилица других детей	17
Глава 9. Разлука с мамой	19
Глава 10. Равнодушный поезд	21
Глава 11. Жизнь учила меня ждать	22
Глава 12. Моё новое увлечение	24
Глава 13. Обман взрослых	25
Глава 14. Статус родителя нужно прочувствовать	27
Глава 15. Подготовка к детскому саду	29
Глава 16. Еда – способ получить похвалу	30
Глава 17. Наказание за непослушание	31
Глава 18. Падать не больно, больно вставать	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лана Левина

Сейчасливая девочка

Предисловие

В этой книге, дорогой читатель, Вы найдёте множество реальных историй, которые происходили со мной в детстве. Некоторые из них сохранены в первоначальном варианте, а какие-то я дополнила и разбавила фантазиями. Все имена и названия изменены.

Вам откроется возможность погрузиться в непростые события детства главной героини – девочки Светы. Взглянуть на них её детским взглядом, прожить её открытым сердцем и принять повзрослевшей частью.

Возможно, в моём творении вы найдёте объяснение для своих жизненных переживаний и захотите пересмотреть отношение к ним.

В книге я предлагаю поразмышлять о том, как формируются наши убеждения и как мы принимаем решения, исходя из чувств и потребностей. Также о том, как детский возраст, подобно пластилину, позволяет вылепить любую фигуру, мораль, травму.

Хотелось поделиться пониманием, что в любых обстоятельствах у человека остаётся выбор своей реакции на происходящее.

В планах – создать трилогию, раскрывая в каждом томе определённый отрезок жизни, приправляя их психологическими пояснениями. Это – первый том, скоро приступлю к работе над вторым.

* * *

Ты можешь победить боль, если ты выбрал победить боль.

Ты можешь научиться любить, если ты выбрал научиться любить.

Ты можешь жить счастливо, если ты выбираешь жить счастливо.

Жизнь может быть непредсказуемой и может принести кучу подводных камней, но с тобой всегда остаётся то, что никто не может забрать. Это твой выбор. Ты выбираешь, что выбрать. Даже, когда ты говоришь, что у тебя нет выбора – ты уже выбрал.

Пролог

Каждой душе нужно однажды родиться гадким утёнком.

Чтобы познакомиться с собой, разглядев своё тело, глаза, руки... суть. Чтобы наивно и открыто начать любить себя. Потом вдруг узнать, что здесь, в этой жизни, так не бывает.

Чтобы понять, что тебя – такого, как есть, мало. Когда-то потом, в другой истории – может быть. Но не сейчас.

Каждой душе нужно однажды родиться гадким утёнком.

Чтобы увидеть, что ты не такой, как твои братья и сестры. У тебя другой окрас, другие перья. Ты издаёшь не такие звуки, да и клюв у тебя иной формы.

Ты других размеров и с тобой тесно в гнезде. Тебя начинают выталкивать из него со словами: «Он не нашей породы».

Каждой душе нужно однажды родиться гадким утёнком.

Чтобы прочувствовать больные щипки и укусы. Чтобы, зажмурившись, научиться давать сдачи и ранить в ответ, понимая, что тому, другому больно, но продолжать это делать.

Чтобы быть гонимым в холодные времена.

Научиться бежать что есть мочи – подальше от всех, в укрытие, в тину, в пещеру. Оказавшись там, наедине с собой, осознать, что твоё одиночество навсегда.

Чтобы погибать и падать, терпеть, кричать и думать, что больше не можешь.

Понять, что ты действительно не такой, как они, и тебе нет там места. Тебя не примут и не полюбят ни к лету, ни через год, ни через десять. Потому что ты – чужак.

Каждой душе нужно однажды родиться гадким утенком.

Чтобы забраться под самый плинтус, застыть, покрыться пылью и желать исчезнуть. Чтобы жалеть себя, ненавидеть мир и рыдать навзрыд. Чтобы решить, что ты – самое бедное существо на планете и жизнь чертовски несправедлива.

Принять, что тебя забросило на самое дно, и выбрать остаться там насовсем. А потом вдруг услышать, что есть место ещё ниже твоего дна. Быть ошарашенным от понимания, что, оказывается, твоё – это не дно! Что где-то там ещё труднее и это ещё не конец.

Каждой душе нужно однажды родиться гадким утёнком.

Чтобы собрать разбросанные кусочки своего разорванного портрета. Клочок за клочком. Вот моё ухо, щека, мой зрачок и часть головы – это всё моё, для чего-то мне данное. Осознать, что так тоже бывает и что никто не виноват. Это просто путь. Путь чужака.

Каждой душе нужно однажды родиться гадким утёнком.

Чтобы повстречать хитреца, труса и узнать себя в них. Тирана, жертву, спасателя. Подлеца и святошу, борца за правду и последнего лгуна, здорового и больного, любящего и отвергнутого, продажную дрянь и чистый алмаз, идеала красоты и уроды. Чтобы принять их всех, потому что ты был всеми ими.

Сделать ценнейший вывод о том, что если ты до сих пор можешь идти дальше, значит это кому-то нужно. Значит, есть какой-то смысл.

И именно с этой отметки начать всё сначала.

Глава 1. Взрослая жизнь мамы

История началась с того дня, когда мои родители познакомились. Скорее всего, это началось ещё раньше, когда их души договорились с моей о том, что я должна прийти именно к ним. Говорят, души договариваются задолго до рождения детей, выбирая друг друга для проживания самого верного опыта в данном воплощении.

Мою маму отправили на практику. Из её родного северного города на юг. Туда, где летом так жарко, что на улицу лучше выходить ранним утром или ближе к вечеру. Где единственное разумное занятие в зной – купаться в прохладном солёном море. Жители этой стороны привыкли к таким условиям, лишь приезжим юг казался каким-то невероятным местом на земле. Местом, где рядом с тобой в море плавают прозрачные медузы, и волны облизывают песчаный берег с белыми ракушками. Где во дворах, рядом с кирпичными домами, растут абрикосовые деревья и вьётся виноград. Местом, где наряду с семечками, в кульках продаются красные рачки.

Вырвавшись из-под крыла строгих родителей, моя мама всем своим видом показывала, что она совершенно взрослый человек – сама себя обеспечивает и может делать всё, что ей заблагорассудится. Дома такое ни за что бы не вышло, но здесь совсем другое дело! Главное, звонить раз в неделю родным, мол, со мной всё в порядке, жива-здорова, а дальше планируй день, как хочешь.

Мама планировала: до обеда была практика на заводе по производству красок, а потом – свободное время. Северная молодёжь каждый день жарилась на пляже, купив по дороге у местных бабушек кулёк с раками, а в ларьке – кружку пенного.

Студентам, как известно, всегда хочется есть, поэтому скупалось всё: и кукуруза, и семечки, и пирожки.

Вечером сдружившиеся практиканты устраивали какой-нибудь сабантуй. Собирались недалеко от пляжа, разжигали костёр, полночи искали приключений и непременно пили что-нибудь горячительное. Или гостили у кого-то из соседей по общежитию, пока комендант не разгонит всех по комнатам с угрозами сообщить куда надо.

Это была прекрасная пора для моей мамы. Она чувствовала себя свободной, счастливой и цветущей.

В краю, где она выросла, не принято красоваться, излишне ухаживать за собой и проявлять друг к другу тёплые чувства. Между её братьями и сёстрами имело место соперничество – кто лучше, кто сильнее, кто успел избежать наказания, а кто не был достаточно находчивым и остался в дураках. В родительской семье поддерживались отношения сухие, лишённые похвал и эмоций.

Возможно, вы встречали понятие «холодный родитель». К примеру, «холодная мать» может не проявлять эмоций по отношению к своим детям, считая, что забота – это накормить, одеть и сохранить. Она отстраняется, когда ребёнок пытается приблизиться. Такое происходит в связи с личным опытом родителя. И этот опыт зачастую непростой.

Я не виню её родителей – моих бабушку и дедушку, им пришлось очень нелегко. Так нелегко, что не знаю, смогла бы я вынести такие испытания или нет. Все трудности, выпавшие на их долю, сформировали только одну цель – выжить и выкормить детей. Поэтому, когда кто-то говорил про любовь, его забрасывали сарказмом и насмешками. Было голодно, а любовью сыт не будешь. С этим и росли.

Детско-родительские отношения здорово эволюционировали. Сначала целью родителя было сохранить жизнь своему чаду, потому что смертность давала высокие показатели. Позже к этому добавилось здоровье: нужно не только сохранить, но и привить здоровье. Далее при-

мкнуло образование. В наши дни мамам и папам нужно сделать всё, чтобы ребёнок ещё и стал счастливым. Поэтому сегодняшняя роль родителя – сложная задача.

Расправив крылья, мама наслаждалась солнцем и морским воздухом. Она даже казалась выше ростом, потому что перестала сутулиться и прятать грудь. Скорее наоборот. Мама демонстрировала все свои прелести. Дома попробовала бы она так пройти. Бабушка без раздумий отлупила бы её тем, что попало под руку. Раньше перед старшими преклонялись, иногда даже обращались на «вы» к матери и отцу. Их уважали и не смели ослушаться до последнего дня.

Здесь, без присмотра, мама гордо вышагивала на работу в бессовестно короткой юбке, а все мужчины сворачивали головы ей вслед. Она знала это, потому задирала нос ещё выше. Маме тогда казалось, что жизнь полностью подвластна ей, что она может достать любую звезду, какую только захочет, и что у неё впереди уйма времени. Она была молода, желанна – этого достаточно, чтобы отхватить лучшего мужчину и построить замечательную семью. Так ей казалось.

Одним вечером мама с компанией гуляли в парке и ели мороженое в вафельных стаканчиках, которое было новинкой в СССР. Мама недавно узнала, что стаканчик тоже был съедобный. Первое время она выбрасывала стакан, а ребята переворачивали его на асфальт и резко наступали ногой на дно. Таким образом они пытались произвести хлопок, что с бумажными получалось легко. Однажды прохожий, увидев, что молодёжь портит вафельные стаканчики, раскрыл им секрет про вафельную тару. Ребята долго смеялись над своим невежеством.

Хорошо, что некоторые случаи легко исправить простым советом.

Но бывает особое развитие событий, когда знающий прохожий бессилён. В таких ситуациях у нас сбиваются исходные настройки. Мы слышим лишь то, что нам хочется слышать, не видим опасности и совершаем множество необдуманых шагов. Мы можем действовать вопреки своим принципам и называем это любовью.

Именно любовь поглотила маму при встрече с отцом, но случилась она не в одну минуту, как пишут в романах. Процесс сближения родителей сравним с человеком в океане и акулой. Если акула проплывает мимо – можно расслабиться. Но, если увидев вас, она сделала круг рядом, дело принимает серьёзный оборот.

В истории моих будущих мамы и папы влюблённость нарастала круг за кругом. Они заметили друг друга и рисовали всё новые круги, чтобы встретиться взглядом. Даже не знаю, кто из них был акулой.

Отец считался видным ловеласом в округе: весел, свободен, красноречив и неплохо сложен. Рядом с ним жизнь казалась ярким приключением. Ещё у отца имелось ценное преимущество – гитара. Изящная, как женский торс, в деревянном корпусе, украшенном наклейками певцов и звёзд советского телевидения. Он знал кучу песен и мог часами развлекать друзей и подруг.

У него были светлые волосы и зелёные глаза. «Пожалуй, возьму себе этот оттенок глаз», – подумала я тогда.

Когда волосы выгорали на солнце, а кожа становилась смуглой, он выглядел ещё эффективней.

Именно таким – уверенным и притягательно наглым он встретился маме. Множество кругов было очерчено в том парке, прежде чем в общепит мама стала возвращаться с провожатым.

Она мечтала, что вот-вот её жизнь начнет меняться и обязательно в лучшую сторону, ведь она встретила того самого мужчину. Думала, что ни за что не повторит отношения своих родителей, что уж она-то обязательно будет счастлива.

Глава 2. Очарование и разочарование

Природа грамотно устроена. Мы лишаемся трезвого взгляда друг на друга в период влюблённости, чтобы влечение привело к интимной близости. Так у новых поколений появляется шанс родиться на свет. Если бы человек не терял голову от любви, он тотчас бы увидел неприглядные качества партнёра и отошёл в сторону. Но тогда как же продолжение рода?

Поэтому каждый, кто испытывал это чувство, с пониманием смотрит на друга, который оправдывает свою глупость и рассеянность словами: «Я влюбился».

День за днём мама влюблялась всё больше. Она не замечала ничего, что могло развеять её очарование.

Любимый нравится женщинам? Ерунда! Со мной всё будет иначе. Гуляет ночи напролёт? Тоже не проблема, когда будем вместе, всё изменится. Нет своего жилья, делит квартиру с матерью? Ладно, уживёмся. Может не сдержаться и при друзьях бросить оскорбительное выражение в мой адрес? Сейчас я проглочу, а завтра будешь просить прощения.

На любой аргумент «против» у мамы было подготовлено два «за». Она желала, чтобы семья строилась на любви. Поэтому любила, как умела. Думала, что умела. Любила так, как её не учили.

Любил ли отец? Предположу, что тоже любил. Особенно вначале, пока мама «ходила на цыпочках».

В отношениях мы очаровываемся своими же фантазиями о человеке, придумываем себе его суть, улавливаем совпадения в наших вкусах и увлечениях. Мы с восторгом подмечаем, что любим один и тот же цвет, и решаем, что это именно то, что мы искали. Продолжаем очаровываться, расстояние между нами сокращается.

В какой-то момент мы начинаем прозревать. С грустью признаём, что он (она) не такой, как нам казалось. Более того, мы не хотим мириться с открывшимися качествами и фактами. «Нет, я представлял себе всё иначе, это не то», – решаем мы и разочаровываемся.

Получается, слово «разочароваться» носит позитивный смысл. Разочароваться – это значит освободиться, выйти из-под чар колдовства, прозреть, протрезветь.

Но люди придают этому слову смысл горечи, несбывшихся мечт. Если подумать, другой человек не может и не должен соответствовать нашим фантазиям. Он такой, какой есть. И такой, как есть, он подходит себе. Но не подходит нам.

Глава 3. Папа, скажи, что мне слышалось

Мы с мамой куда-то приехали, это какое-то важное место. Мама переживала, когда собиралась сюда, я чувствовала. Дети всегда чувствуют всё, что происходит с мамой – какое у неё настроение, радостно ли ей или грустно. Меня огорчает, когда мама плачет, тогда ничего не хочется, кроме как забиться в угол моего тёплого мирка.

А когда ей страшно, сердце громко колотится прямо надо мной и становится жарко.

Мы с моей мамой – одно и то же. Я пока у неё в животе и всё-всё про неё знаю. Я знаю, что она любит чай с молоком, арбузы и томатный сок. Любит долго спать и просыпается непременно в плохом настроении.

Есть такая версия, что люди, которые с утра в плохом настроении, не обязательно ворчуны. Дело в том, что им требуется больше времени, чтобы привыкнуть к реальности после сна.

Во время сна мы погружаемся в воспоминания о тех временах, когда крошечными находились в животе у матери. Когда было спокойно и комфортно, когда никуда не нужно было спешить, когда вокруг была жизнь, созданная тобой и для тебя.

Но утром, когда мы просыпаемся, видим, что мир создан не нами и не для нас, что есть условия проживания в нём, что утром нужно подняться с постели и включиться.

В этот момент «утренние ворчуны» сопротивляются, они открывают дверь постепенно, неохотно.

Место, куда мы приехали – солнечное и тёплое, как поляна. Здесь много травы, ягод и кошек. Слышу, корова мычит. Мама уже бывала здесь, потому что знает все предметы и комнаты. Это дом её детства, где живут пожилые родители.

Маме неловко и стыдно, что-то её беспокоит. Когда она волнуется, стены мира сдавливают меня со всех сторон. Сейчас именно такое состояние. В моменты тревоги мама украдкой курит за домом, напротив длинных грядок с луком и морковью. Она прячется, чтобы не увидели родители. Такие городские привычки им явно будут не по вкусу.

Когда мама курит, моё солнце затягивается туманом и хочется спать.

Мама говорит своим родным, что мы должны кого-то подождать несколько дней. И мы ждём, едим пироги, испеченные бабушкой: с капустой, малиной, грибами, запиваем их чаем и молоком. Про меня – ни слова. Я ещё совсем крошечная, живота не видно, поэтому мама решает пока ничего не говорить родителям.

Сегодня. Тот, кого мы ждём, приедет сегодня.

Я поняла, это мой папа! Мы ждали его, чтобы познакомить с родителями.

Он приехал, улыбается. Немного сконфузился – не знает, что говорить своим будущим тестю и теще. Хочет казаться важным, взрослым и ответственным. Кажется, ему 25 лет.

Странно, он не подходит к нам с мамой и не обнимает, стоит в стороне. Может, так и должно быть? Не знаю.

Или он просто устал, так как ехал издалека – двое суток на поезде, а потом ещё на автобусе.

Вижу, что папе не нравится дом, он хочет уехать уже на следующий день. Но мама не согласна – считает, что это неуважение к родителям и манипулирует в разговоре, чтобы задержать отца ещё на несколько дней.

Они громко ругаются. Маме страшно. И мне тоже. Мама бросает обидные слова, отец злится. В следующую минуту мы падаем от сильной пощечины.

Мне не было больно, меня защищает водное пространство вокруг, но мама долго плакала, держась за свою пылающую щёку. Как жаль, что я не могу её пожалеть. «Я жалею тебя изнутри, слышишь, мама?»

Вечером в доме стояла тишина, потому что никто не разговаривал друг с другом.

Утром папа уехал туда же, откуда приехал, а мама осталась. Я слышала и понимала все её скомканные мысли: о том, что ребёнок станет позором, что родители перестанут её уважать, что теперь, с «обузой», не выйти замуж.

Она не знала, что делать – ехать к моему отцу и строить семью или остаться здесь и воспитывать ребёнка самой. Тогда мама скрыла от родителей свою беременность.

Её сердце сжималось от кошмара «принесла в подоле».

В эти дни я поняла, что бывают очень сложные обстоятельства, когда от твоего выбора зависит вся дальнейшая жизнь. Даже ночью эти думы не отпускают тебя. Ты никак не можешь сделать выбор, потому что боишься ошибиться.

Но и не сделать его нельзя. Не выбрать, пустить всё на самотёк – это может принести ещё более тяжёлые последствия.

Именно в это время появилось моё первое понимание: «Папе всё это не нужно. Я не нужна». Он сам так сказал. Я ещё не знаю, как называется чувство, когда родному человеку всё равно, но очень хочется заглянуть в его зелёные глаза и спросить: «Папа, скажи, что мне послышалось. Тебе ведь не может быть всё равно, правда?» Мне хотелось стать тихой, спрятаться, чтобы не раздражать папу.

Всё детство в незнакомых местах я придерживалась этой стратегии – «сидеть тихо, чтобы не раздражать». Не спрашивать лишнего, не отстаивать своего. Не могу сказать, что она мне мешала. Напротив, чаще стратегия уберегала меня от назойливого внимания нежеланных взрослых, которым очень хотелось перевоспитать чужого ребёнка.

Глава 4. Рождение

Почему мама не спешит?

Почему продолжает пропускать полотенца через потрескавшиеся валики старой стиральной машинки?

Почему она не бросила недостиранное бельё и не вызывает скорую помощь? Ведь воды отошли уже, а она держится за живот и продолжает работу.

А где все? Где папа? Где-то должен быть папа. А, может, не должен быть.

Мне темно и плохо дышать.

Сколько там ещё этих юбок, маек, полотенец? Разве ребенок в животе не важнее, чем стирка? На меня что-то давит, мне тесно и страшно. Я ничего не вижу. Хочется поскорее выбраться отсюда. Мама, ты здесь?

Мама была здесь – спешила достирать, отжать, прополоскать и развесить бельё, прежде чем поедет в роддом. Она понимала, что воды отошли, но, если оставить бельё в машинке, оно испортится, потому что некому этим заняться. Время шло, каждая минута была важна и мама это понимала.

Справившись со стиркой, она побежала к соседке, чтобы попросить её вызвать скорую.

Соседка, тётя Люся, со всех ног бросилась на улицу, обгоняя прохожих. Поймав глазами телефон-автомат, соседка уже издалека начала вопить: «Дайте позвонить! Освободите трубку! Женщина рожает!»

Испуганный мужчина в широкополой шляпе вылетел из будки, не успев набрать номер, и второпях забыл забрать свои две копейки из жетоноприёмника.

Схватив висящую трубку, тётя Люся волнительно набрала номер скорой помощи «ноль три». Когда там ответили, она начала путанно объяснять суть, но на том конце провода резко сказали: «Женщина, успокойтесь. Говорите адрес. Говорите адрес, машина выезжает». Эта жесткость, с которой фельдшер потребовала концентрации соседки, походила на звук разбившейся посуды. Как будто уронили стопку тарелок, и звук разлетевшегося по полу фарфора остановил панику.

К моменту, когда приехала скорая, мама вышла к подъезду с сумкой в руках.

Внутри мамы было невероятно мало места. Я ощущала себя сбежавшим тестом, которое пытались впихнуть обратно и придавить крышкой, а оно никак не помещалось в кастрюле.

За несколько минут мы домчались до роддома. На подготовку роженицы совсем не осталось времени. Началось.

Выход! Где выход? Я медленно продвигалась по тесному лабиринту, не понимая, куда он меня приведёт. Не было ни мыслей, ни идей, лишь сплошное давление.

Когда туннель, наконец-то, закончился, стало просторно, я родилась.

Здесь очень холодно и больно каждому сантиметру тела. Больно лежать, больно дышать, боль в голове. Это какое-то неудобное место, мне хочется обратно – в мамино тепло.

Доктор исследовала меня, измеряла, прочищала рот, шлёпала, потом что-то записала. И унесла от мамы.

Это был настоящий ужас! Я потеряла связь с мамой. Казалось, я умерла. Умерла от боли, умерла от страха, умерла от горя, умерла от разлуки. В один миг закончилось всё – и мой мир, и моя мама, и я сама. Как же невероятно страшно потерять маму.

Глава 5. Я не такая, какой меня хотят видеть

Жанна или Света?

Как меня назвать? Мама – за Жанну, но её голос не в счёт. Она пока об этом не знает, ждёт Свидетельство о рождении – без него не выпустят из роддома. Папа зарегистрировал меня под именем Светлана. Мне нравится – как светлячок или свет. А может даже солнце. В любом случае это про тепло и добро.

А Жанна – это что-то смуглое, сгоревшее на плите. И у неё обязательно должна быть внешность мальчишки. Не, это не про меня.

Вот и папа. Просит показать меня в окно. Ура! Сейчас он увидит свою дочку. Ой, почему-то он не очень радуется. Даже не хочет меня рассматривать. Говорит, что у меня чёрные волосы, а у него и мамы – русые.

А какого цвета должны быть мои волосы? Какие бы ему понравились?

Ещё говорит, что «девка не моя» и уходит. Что значат эти слова? Я не могу понять.

Почему я тебе не нравлюсь? Папа, постой!

Может, всем малышам что-то непонятно в первую неделю жизни. Но потом всё встанет на свои места, я уверена. По-другому не может быть. Я попробую тебе понравиться, папа.

Сегодня во мне несмываемым маркером написали: «Я не такая, какой меня хочет видеть мужчина. Я его разочаровала».

Как эта ситуация повлияла на моё поведение в мужском обществе? Фундаментально, но об этом позже.

Когда-то я слушала лекцию клинического психолога, в которой говорилось, что ребёнок эгоцентричен. Его мир до рождения – это мамин живот и он сам. Малыш может считать, что он Творец своей Вселенной. В животе эмбрион практически сразу получает всё, что захочет: питание, движение, тепло.

При рождении для него открывается непостижимое бытие, которое ежедневно будет заменять привычные файлы и вычёркивать старые записи. Реальность ошеломит открытиями: твоя Вселенная – не твоя, она не единственная, Творец – не ты, а твои родители. Чтобы к тебе подошли, нужно сделать усилие и закричать.

После рождения эти открытия происходят так часто, что похожи на ежеминутные вспышки света. Они загораются и гаснут, нет никакой возможности ухватиться хотя бы за одну, чтобы успеть разобраться. Даже если бы ты успел сосредоточиться на ней, всё равно непонятно что с этим делать.

Одна за другой вспышки падают в корзину, оставаясь там до лучших времён. Ждут, когда ты станешь способен их разобрать. На это уходит много энергии, приходится то и дело восстанавливать её через сон. Вы и сами знаете, что младенцы много спят. Они устают от сосания маминой груди, от вспышек, звуков, температур окружающего пространства... буквально от всего.

Сейчас главное – чувствовать маму: через тепло, через запах, через любое ощущение, доказывающее, что она рядом. Я пока почти ничего не вижу и не слышу, но точно понимаю, когда мама подходит ко мне, а когда врач. Пока обе они выглядят расплывчатым пятном, но мамино пятно теплее и роднее.

В первые дни жизни ребёнок практически не видит и не может фокусироваться двумя глазами на одном предмете. Но с каждым днём его зрительные образы становятся всё чётче и красочнее.

Глава 6. Внутри мамы соперничают два волка

Мне несколько месяцев. Два или три.

Мама вывезла меня на прогулку в коляске. Лежу, укутана, как кукла. Что-то щекочет спину. Хочу повернуться, но не могу – мои руки крепко перепеленали и прижали к телу. Ворочаюсь, стараюсь, крихчу, кричу, всё бессмысленно. Я бессильна, слаба и ничего не могу с этим сделать. Сдаюсь пелёнке, коляске, маме, обстоятельствам.

Примерно так в нас прорастает самообесценивание.

Рассматриваю тени от ветвей деревьев, пляшущих на стене дома. Они плавно раскачиваются на ветру и создают разные образы. Вот ветки похожи на забор. А эти напоминают позвоночник. Это – зайчик, он играет со мной, я улыбаюсь. Вижу чужое лицо, заглядывающее ко мне в коляску.

– Не спит? – слышу я мамин голос.

– Нет, улыбается, – отвечает женщина.

«Если мама рядом и её голос не встревожен, то всё в порядке и можно не плакать при виде чужого лица», – решаю я и продолжаю следить за игрой теней.

Кто бы мог подумать, что потом, когда я стану взрослой, мне пригодится это умение видеть образы. А зародилось-то оно вот когда!

Мы живём на юге. Здесь обычно жарко, но сейчас зима. Хотя, даже зимой здесь не бывает морозов.

Вместе со мной и мамой в квартире живет папа и бабушка – папина мама.

Родители поженились, когда я ещё была размером с морковку. Свадьбу хотела мама и даже сама нашла деньги на кольца. Для неё это важно, потому что родить ребёнка, не имея мужа, это страшный позор.

Бабушка нас не любит, мы для неё обуза. Это и понятно, ведь вся квартира теперь в пелёнках и распашонках, постоянно кипятится вода для стирки и слышен мой писк.

Ещё у нас совсем нет денег, маму это очень гнетёт.

Папа приходит домой не каждый день – ему мы тоже мешаем. Я пока не знаю – как должно быть в семье, но чувствую, что-то не так.

Когда мне исполнилось 3 месяца, мама с горечью поняла, что совершила ошибку, когда вышла за папу замуж. Всё былое очарование испарилось, исчезло, стёрлось до последней ниточки. Отец всегда был самим собой, он не притворялся и не казался лучше. Но мама проснулась только сейчас.

Внутри неё долго соперничали два волка. Один призывал смириться и принять своё замужество по той цене, которую пришлось уплатить за него. Второй волк протестовал. Он провоцировал маму взбунтоваться и выбрать спасение.

Они грызлись несколько месяцев, пожирая мамин сон и покой. Не хватало какого-то одного элемента, пазла, который помог бы сделать выбор. Мама присаживалась то на один стул, то на другой – она ждала момента, когда ей станет всё понятно. И он настал. Это не было каким-то событием вовне, нет. Все самые важные осознания происходят внутри нас. Мама вдруг поняла, что не только она несчастлива в этих отношениях, но и её муж тоже. Что жертва – не только она, они оба были жертвами, потому что оба ошиблись. Просто отец прозрел раньше и ждал, когда это произойдёт с мамой.

Вот этот пазл. И не стало двух волков, потому что побеждает тот волк, которого мы кормим. Мама выбрала своего волка и стала кормить его одного – волка спасения.

С того момента вынашивался план возвращения обратно, ближе к родителям, братьям и сестре.

Здесь у мамы всего было недостаточно: друзей, понимания, любви и даже еды. Она оказалась в жёстких условиях. Нехватка еды меня не сильно задевала, потому что у мамы много молока. Молоко – это настоящее богатство.

Его так много, что она кормит ещё одного малыша, потому что у его мамы молоко пропало. На прогулке мы передаём бутылочки со сцеженным молоком и взамен получаем продукты: хлеб, чай, крупы, курицу.

При хорошем питании кормящей матери её молоко становится жирнее и питательнее, поэтому та женщина старается, ведь тогда её малыш будет сытым и довольным.

Самые сладкие моменты – когда мама меня кормит. Тогда она прижимает меня к себе близко-близко, прямо к сердцу. Она такая мягкая, плодородная, пахнет молоком. Могу быть с ней, пока не засну на теплой груди. Я счастлива, что она есть.

Чтобы чаще быть ближе к маме, я начинаю хныкать. Особенно, когда кажется, что меня снова отделили от неё, как было в роддоме. По-другому младенцы не умеют общаться. Всё, чем наделила их природа в этом возрасте – возможность поглощать пищу и производить звук. Я сейчас хочу к маме, я жду её, я её требую. Стараюсь крутиться и звать, чтобы она взяла меня на руки. Но мама не подходит к кровати. Я зову громче, заливаясь плачем.

В такие минуты меня охватывает тревога, которая врезалась в память в первый час после рождения – вдруг нас снова разлучили? Моё маленькое тельце живёт отдельно от меня. Ручки и ножки хаотично двигаются, содрогаются и меня выгибает дугой. Хочется подняться, но ничего не получается. «Мама, я так нуждаюсь в тебе, зову тебя! Я снова бессильна».

Плач продолжается, куда хватает моих маленьких ресурсов. Когда силы заканчиваются, я замолкаю и, долго всхлипывая, погружаюсь в сон.

До полного отключения в моей голове успевают родиться выводы о том, что мама может не услышать твой зов. Никто не услышит. Нужно самой справляться со страхами, нужно ждать и пользоваться моментом, когда она рядом. Нужно самой, самой.

Мне предстоит научиться не чувствовать себя, чтобы было не так больно. Я постараюсь приспособиться и не привязываться к людям, чтобы заштриховать свою покинутость.

Что делает в это время мама? Она плачет. Схватила за голову и закрыла руками уши, чтобы не слышать раздирающего крика её ребёнка.

Это невыносимо. Ей хочется, чтобы всё закончилось: и чужая квартира, и безденежье, и одиночество, и оскорбления папы, и даже я.

Нет, только не я, пожалуйста, мама. Я научусь меньше плакать, не забирать твоё время и быть удобной. Я хочу, чтобы ты любила меня.

Глава 7. Ребёнок при рождении похож на папу

Мне уже полгода, но я мало что умею. Я ем, плачу, засовываю кулачки в рот, рассматриваю себя и всё, что появляется перед глазами. Головку держу плохо и отстаю по развитию, наверное, потому, что со мной редко занимаются.

Мама смотрит на своё дитя и ей становится грустно. Я – её огромное разочарование, груз, камень на шее. Она хотела, чтобы я была похожа на её семью, а я больше в папу. В папу, который причиняет боль.

Вижу это в маминых глазах и говорю ей: «Мамочка, как мне стать похожей на тебя? Чтобы тебе стало легче. Только прими меня, пожалуйста».

Мама не слышит, ведь я ещё не могу говорить вслух ничего, кроме «агу».

Младенец всё чувствует, хоть и не может сказать об этом. Девочка чувствует, с какими мыслями мама смотрит, нравится ли маме то, что она видит в своём ребёнке.

Когда девочка вырастает, она носит память в себе и оценивает себя этим маминым взглядом. Если мама смотрела на ребёнка с недовольством, её взгляд долгие годы будет говорить девочке: ты не та, не та, не та...

И никто в этом не виноват. Потому что человек, наполненный страхами, горечью и слезами, может поделиться только этим. Счастливые делятся счастьем, несчастливые – всем остальным.

Есть здесь и радостная весть – это можно проработать. Когда-нибудь после, в далёком будущем. Когда ты в сотый раз не будешь понимать, что за сила вынуждает тебя притворяться. Когда ты больше не захочешь кожей считывать чужие ожидания и непременно воплощаться в них, чтобы быть принятой, чтобы быть нужной, чтобы быть той.

Пока я – младенец, мне кажется, не имеет значения, на кого похож ребёнок, он же общий. Вот я похожа на папу и что? Папе я неинтересна, он редко приходит домой.

Жизнь мудро распорядилась и дала ребёнку при рождении больше схожести с папиными чертами. Существует даже такая шутка: «Я его девять месяцев носила, берегла, мучилась-рожала, а он, видите ли, на папу похож».

Потому что ребёнок для мужчины – не одно и то же, что для женщины.

Женщина готовится, ожидает, вынашивает плод. Потом меняется её внешность, затем роды, кормления, бессонные ночи, неврозы, восстановления... Такое не пропустишь. А мужчина? Не каждый мужчина с появлением малыша решает кардинально поменять весь свой жизненный уклад.

Не хочу обидеть мужчин, но наверняка вы слышали истории о том, что «отец не заметил, как его дети выросли». Такое вряд ли может произойти с матерью. Конечно, исключения тоже бывают, но я сейчас про большинство случаев.

Так вот, когда отец видит в кровати свою копию, его больше тянет находиться рядом и заботиться о потомстве. Тогда у потомства больше шансов выжить.

У животных самки следят за детенышами и охраняют их даже от отцов. Вспомните, неслучайно в страшной ситуации первое, что из нас вырывается – слово «мама».

Глава 8. Мама – кормилица других детей

После страданий и пустых надежд мама решилась. Этот выбор дался нелегко, так как у неё не было поддержки. Иногда достаточно с кем-то поделиться своими мыслями, чтобы в голове всё встало на места.

Когда варишься в заботах и не имеешь возможности рассказать о страхах или сомнениях, ты перестаёшь понимать, насколько твои выводы верны и адекватны.

Даже будучи замужем и проживая со свекровью, мама чувствовала себя одинокой.

Бабушка открыто заявляла, что молодожёны должны сами заботиться о своём быте и потомстве, а потому демонстративно выставляла запреты: не разрешала пользоваться стиральной машиной и холодильником. Маме приходилось стирать вещи вручную и обменивать молоко на продукты, которые могут какое-то время храниться без холода.

Она всем сердцем стремилась вернуться обратно, хотя и знала, что придётся самой организовывать наш отъезд и отвечать за его последствия. Но точка невозврата уже пройдена.

План побега дарил маме надежду на то, что всё ещё возможно, главное – вернуться к своим. На слёзы не было времени, приходилось действовать.

Грудное молоко – это всё, что у неё было, поэтому мама решила взять на прикорм ещё одного младенца. В наши дни проблему с молоком можно легко решить – рынок предлагает множество детских смесей с разным составом. Тогда были другие времена, да и делать своего малыша «искусственником» матери не спешили.

Во время прогулки женщины с колясками здоровались, знакомились, общались.

– У вас кто?

– Девочка. А у вас?

– У нас парень. Отец счастлив, а я помощницу ждала.

Они могли обсудить вес и рост своих грудничков, поговорить, кто сколько спит и ест. Многие жаловались, что у них мало молока. Так мама стала кормилицей ещё двоих мальчишек.

Теперь она обменивала молоко не только на продукты, но и на деньги, чтобы скопить на билет. Это, конечно, были копейки, но всё же они приближали нас к плану.

Возможно, такое решение не совсем этично, но другого выхода мама не находила.

Сегодня на прогулке я впервые увидела маму-чайку с птенцом и была удивлена тому, что чайка не кормит детёныша. Она его защищает, отгоняет других птиц, когда птенец ест, но не кормит.

Может, это и правильно – так птенцы быстрее научатся самостоятельности. С человеческими детьми этот номер не пройдёт.

На дворе стояла весна, я стала чаще гулять. Рассматриваю облака и вижу в них красивые сюжеты. Мои прогулки всё такие же – лежу в коляске на улице, пока не заплачу. Тогда бабушки на подъезда качают меня, чтобы успокоить. Но когда меня не унять, посылают местного пацана к нам в квартиру. Он сообщает маме: «Ваша дочка плачет», – и она спускается за мной.

Сейчас мама лучше себя чувствует, уже не так грустит, потому что предвкушает спасение через бегство.

Когда никто не видит, собирает тёплые вещи, которые нам долго не потребуются, тайком отправляет их почтой своей сестре. Сестра – моя тётя, сохранит их для нас.

Недавно приходил папа. Он всё так же отстранен, хоть и улыбается. По-моему, он не осознает, что у него есть дочь. Приходит, переодевается, задаёт маме ничего незначащие вопросы, потом подмигнёт мне, щёлкнув языком, и уходит. Если он в хорошем настроении, может пощекотать меня в надежде на беззубую улыбку. Отец совершенно не знает, что делают с детьми, тем более с такими маленькими.

Друзьям он говорит: «У меня родилась дочка», – и при этом гордо приподнимает голову. Кажется, ему просто забавно носить статус отца.

Но я не сержусь. Мне нравится любое его внимание. Все-таки папа – это дополнительный источник любви, которой в моей жизни пока не так уж и много.

Сейчас я думаю, что чем больше источников, способных дать тебе любовь, тем ты счастливее. Поэтому стараюсь нравиться ему – свечу своим внутренним солнцем, лишь бы папа ещё минутку задержался над моей кроватью. Когда он отходит, я протестую, сопровождая протест хныканьем. Иногда это помогает, папа берёт меня на руки. В эти моменты он выглядит огромным добрым атлантом, его ладонь размером с мою голову. Он очень сильный, как Бог.

Потом, повзрослев, я пойму, что вывод про количество источников любви был ошибочным. Я соберу их множество, не разобравшись в качестве.

Псевдолюбовь, которую я получу от людей, будет слишком дорого стоить. В какой-то момент она превратится в яд, а восстановление будет тягостным и долгим.

Человек должен опираться на любовь внутри себя. Искать и возвращать её, потому что лишь она настоящая. Если внутри нас полно дыр, нам всегда будет недостаточно любви, внимания, подарков, слов. Дыры можно залатать только изнутри, поэтому так часто мы слышим о любви к себе.

Самое печальное здесь то, что сколько ни делай для такого «дырявого» человека, всё будет улетать в эти чёрные дыры и растворяться там без следа. Это прямой путь в зависимость. Зависимость от другого человека, его настроения, его желаний.

Хочу поделиться одной старой притчей о чаше желаний.

Давно жил властный и гордый царь. Когда он проверял свои владения, народ в испуге кланялся и кричал: «Да здравствует наш повелитель!»

А сзади шёл казначей и кидал людям золото. Тому, кто не склонялся перед царём, немедленно отрубали голову.

Однажды, во время очередной прогулки, царь заметил монаха, который шёл ему навстречу с поднятой головой. Палач уже приготовил свой меч, чтобы наказать непокорного, но повелитель остановил его. Царь кинулся к страннику и упал перед ним на колени. Он узнал в нём отца, который когда-то отрёкся от престола и отправился на поиски истины.

– Отец, как я рад, что ты вернулся!

– Нет, я ещё не вернулся, сын. Я был на одном краю земли, а теперь иду на другой. Мой путь лежит через твои владения.

– Но все эти владения принадлежат тебе, отец! Мне больно видеть тебя в этих лохмотьях. Казначей, дай ему золота, столько, сколько он попросит!

– Нет, сын, мне не нужны богатства. Просто накорми меня или подай несколько монет.

С этими словами старый отец протянул царю деревянную чашу. Государь велел немедленно наполнить её до краёв. Но сколько бы золота ни сыпали в неё, она оставалась пустой.

Тогда царь велел привезти целую телегу золотых монет. Она вся поместилась в чашу, а чаша оставалась пустой. Царь приказал привезти ещё телегу золота, и ещё, и ещё. Но всё было тщетно. Чаша была абсолютно пуста. И тогда царь воскликнул:

– Отец, что не так с чашей? Мы бросили в неё всю казну, но она по-прежнему пуста!

– Сын, мне приятно видеть, что ты уже сейчас задумался над этим. Когда-то я был так глуп, что бросил в неё всё, что имел – свою молодость, здоровье, царство. Но, как видишь, она так и осталась пустой. Потому что это чаша людских желаний, и она не станет полнее, даже если положить в неё собственную жизнь.

Глава 9. Разлука с мамой

Мне девять месяцев. Я поглощаю свою маму: её внимание, мысли, силы, время. Ем её, пью её. Мама – это моё всё. Любовь младенца к матери – односторонняя, потребительская. Она лишь требует и пользуется.

Я только учусь сидеть – это прогресс. Развитие по-прежнему притормаживает. Педиатр и медсестра, которые наблюдают моё взросление, подмечают, что вес слишком быстро увеличивается, а навыки слабы. Они не понимают почему. Но мне известна причина – слишком мало движения. Меня кормят и укладывают, кормят и укладывают. Я с таким режимом не соглашаюсь и громко кричу, чтобы мама взяла меня на руки, дала походить ножками, погладила. Вскоре концерт дочери начинает её утомлять, она злится, закрывает дверь в комнату и уходит.

Мама думает, что если часто носить ребёнка на руках, он вырастет капризным.

Потом я устаю плакать и засыпаю. Но тогда мне снятся сны, что мамы нет рядом, от испуга я вздрагиваю и просыпаюсь. Бывает сложно понять, где сон, а где реальность.

Меня радует, что теперь не медсестра навещает нас дома, а мы ходим в поликлинику, это целое приключение. Я встречаюсь там со многими людьми! Даже не знала, что их бывает так много. Они все в разноцветных одеждах. Оказывается, в мире так много красивых цветов, людей и малышей!

Потом тётя врач со мной играет, берёт меня на руки, трогает мои складочки, сажает к себе на колени. Это всё для меня одной! И никто не войдёт в кабинет, пока мы играем. Какое счастье!

Вот только взвешиваться мне не нравится, потому что весы холодные, чувствую их холод даже через пелёнку.

Сегодня, как и всегда после поликлиники, мама меня покормила и уложила спать. Сама же села писать письмо сестре Марии. «Интересно, что она пишет?» – подумала я, зевая. Мама запечатала письмо и наклеила марку, аккуратно облизав её перед этим. Жаль, что я не умею читать. Утром мы пойдём на почту, а это значит, что нас ждёт интересная прогулка.

Наступило утро. Меня разбудили крики – бабушка кричала на маму, говорила, что вся квартира стала влажной от моих пелёнок. Я испугалась и заплакала. Мама резким движением достала меня из кровати и начала кормить, а бабушка, громко хлопнув дверью, ушла на базар.

Сейчас молоко невкусное, потому что злое. Я уже знаю много вкусов маминого молока. Знаю вкус грусти, вкус слёз, вкус мести. Вкус облегчения, когда мама проверила деньги на билет и поняла, что мы всё ближе к мечте. Ещё есть вкус надежды и вкус обиды. Сегодняшний вкус мне знаком – от него я буду беспокойной.

Вы не представляете, кто приехал к нам в гости! Мамина сестра и её муж. Боже, зачем же они приехали? Бабушка будет очень недовольна. Хорошо, что её пока нет дома. Мама отлично изучила бабушкино расписание и знает, что два часа её точно можно не ждать.

Это была не такая встреча, когда люди живут в разных городах и ездят друг к другу в гости. Не было ни объятий, ни долгих разговоров, ни чая с угощениями.

Прямо с порога началась какая-то суматоха.

Мама в спешке собирала мои вещи и укладывала их в чемодан. Все, кроме дяди Миши, паниковали.

Стойте! Почему вещи только мои? А мама? А как же мамины вещи? Подождите, мамины вещи тоже нужно положить в чемодан, я ведь не могу остаться без мамы. Ребенок не может жить отдельно от мамы.

От резких движений сестёр и непонимания происходящего я начала плакать, из-за чего раздражение взрослых нарастало ещё больше. Но я не могла остановить свой страх. Сквозь

мой плач никто никого не слышал. Тётя Мария не выдержала и заплакала следом. Мама, не прекращая сборов, тихо утирала слёзы.

– Ну, чего вы тут клей разводите! Это не поможет. Положили смесь для питания девке? Нам надо спешить, поезд скоро.

– Положила, – с грустным вздохом ответила мама.

– Всё, я застёгиваю чемодан, – отрезал дядя.

Творится действительно что-то странное, не понимаю что именно.

Тётя берёт меня на руки, мама смотрит красными от слёз глазами, дядя Миша хватается за чемодан. Мы уходим.

Мы уходим, понимаете? А мама остается дома!

Этого не может быть. Наверное, это снова страшный сон.

Почему я никак не могу проснуться?

Глава 10. Равнодушный поезд

Когда мы с тётёй и дядей ехали в поезде, я поняла, что это не сон.

Оказывается, в том письме своей сестре мама написала, что не планирует брать меня с собой обратно. Писала, что, если они не приедут за мной, то оформит меня в детский дом. Возможно, потом заберёт, когда всё наладится. Но не сейчас. У тётёи Марии с дядей Мишей есть свой ребёнок. Чтобы отправиться в такой долгий путь вдвоём, им пришлось попросить на работе недельный отпуск за свой счёт. Плюс занять денег на билеты и пристроить свою дочь на время к друзьям. Они не могли позволить, чтобы их племянница осталась в детдоме так далеко от своих родных – посоветовались и решили приехать за мной.

От всех этих новостей мне стало не по себе. Я хныкала и пищала всю дорогу, а соседи по вагону мечтали об одном – чтобы мы поскорее сошли и они смогли бы поспать в тишине. Каждый из нас – тётёя, дядя и я – думали о чём-то своём. Тётёя – о том, чтобы меня не продуло в поезде, чтобы я не заболела от стресса. Дядя – о том, как бы эта история не вышла им боком. Ведь, что бы там ни было, ребёнок – это не собственность одного родителя. У ребёнка есть мать и отец, а у каждого из них – права на ребёнка. Дядя обдумывал варианты на случай, если что-то пойдёт не по плану.

Меня в том вагоне терзали разные мысли. Одна была самой сильной – как снова оказаться возле мамы. Всё равно, где жить и какими будут условия. Мне просто жизненно необходима была моя мама. Я хотела непрекращающимся рёвом вернуть её, выпросить, вымолить, выплакать. Когда слёз не осталось, плач уменьшился, вскоре он стал похож на скуление и позже совсем стих.

В те минуты я хотела перестать чувствовать. Чтобы все мои терзания остыли, стали холодными и равнодушными, как этот поезд.

Потому что поезду не было больно. У него нет страданий, только предназначение. Он то набирал обороты, то останавливался на перронах, то снова стучал на стыке рельс: чух-чух, чух-чух, чух-чух.

Начинался новый этап моей интересной жизни. Я не знала, каким он будет и что ждёт впереди, но твёрдо усвоила несколько моментов:

1. Мама – это может быть не навсегда.
2. Ребёнок и мама могут быть не вместе.
3. Иногда быть бесчувственной – спасение.

В этом сером поезде моя любовь заболела.

Глава 11. Жизнь учила меня ждать

Уже месяц мы с тётей, дядей и моей двоюродной сестрой живём в семейном общежитии. Здесь всегда что-то происходит. То дети в коридоре сцепятся из-за игрушки, и взрослым приходится разбирать своих крикунов по комнатам. То соседка придёт за стаканом муки или мужики зовут дядю курить на улицу, то знакомая подсунет своего отпрыска на два часа – некому присмотреть.

Меня здесь не обижают, но очень хочется к маме. Всё время думаю – как она там, придет ли ко мне, сколько ещё ждать, а вдруг она совсем про меня забыла. Неизвестность, как занесённый над головой меч: прямого вреда не наносит, но и успокоиться не даёт. Вот если бы кто-нибудь мог обнадёжить, сказав: «Потерпи ещё недельку или месяц, мама обязательно придёт». А то я всё жду, жду. Вдруг это напрасно.

Пребывая в постоянной готовности к встрече и прислушиваясь к голосам за дверью, однажды я услышала тот долгожданный голос. Я не спутала бы его ни с одним другим, это была та длина волны, которую я уловила, даже если были бы сломаны все мои внутренние приборы. Это точно была мама. За дверью она с кем-то поздоровалась, я затаила дыхание, чтобы не упустить этот звук. Ещё несколько шагов, стук в дверь и вот мама осторожно заглянула в комнату.

В нашем общежитии двери в комнаты редко закрывались, только если кто-то спал с ночной смены или уходил на работу.

Мы с сестрой сидели в её бывшей кроватке с прутьями и играли. Прутья не позволяли выпасть ребёнку из кровати, что очень одобрялось взрослыми. Тогда они могли спокойно заняться делами.

Мне эта кровать напоминала тюрьму. Из такой кровати, как бы ты ни хотела, выбраться не получится. Хоть стой, хоть качайся, хоть ползи, хоть кричи. Если ты в кровати, ты безвольна.

Я увидела мамино загорелое лицо, оно наклонилось надо мной, игриво прошептав: «Ээй, привет». Долгожданная мама появилась так неожиданно, что я хлопала глазами и не могла вымолвить ни одного слова из тех, что уже успела освоить к десяти месяцам. Она пощекотала меня, убедилась, что дочь в порядке и пошла на кухню к тёте Марии. А я так и осталась сидеть с открытым ртом.

Во мне дискутировали два голоса. Один побуждал радоваться, смеяться, ползти в своих голубых ползунках на это всемогущее мамино звучание. Но другой, голос сломанной любви, отрезвлял, удерживал, заставлял сомневаться. Он говорил: «Подожди, глупая, присмотришься. Всё может оказаться иллюзией».

Поэтому я сидела, пытаюсь уловить доказательства реальности происходящего и вслушиваясь в голоса.

Наша комната располагалась рядом с общей кухней. Дверь была приоткрыта и с каждой минутой я всё больше понимала, что события сегодняшнего утра настоящие. Настоящая мама, она приехала и сейчас на кухне разговаривает с сестрой. Означает ли это, что мы снова будем вместе?

В данный момент этот вопрос совсем не волновал меня. Ещё несколько дней назад он занимал все мои мысли, но не теперь. Сегодня небо надо мной стало светлее! Как будто наша маленькая комната, в которой ещё вчера было мало места для четверых, вдруг стала шире! Это так необычно. Всё осталось тем же, что и раньше, но в моём восприятии оно цвело и улыбалось, стоило появиться одному родимому человеку. Может, и не было этих заплаканных сборов, поезда, общежития и всегда всё было прекрасно? Но тогда откуда я это помню? Нет, всё же было.

Разговоры между сёстрами шли серьёзные. Тётя говорила о том, как «выбила» нам с мамой комнату в том же общежитии, нужно было разобрать вещи и переезжать. Ещё пора

искать подработку, так как с маленьким ребёнком на полный рабочий день сложно устроиться. Сёстры решили, что будут держаться вместе, пока у нас сложные времена.

Дедушке и бабушке – родителям мамы и тёти – пока решили ничего не рассказывать. Они живут в деревне, в город наведываются редко, поэтому долго не узнают, что их дочь уехала от мужа и осталась одна с ребёнком.

Потом мама поведала тёте Марии, что подала заявление на развод с папой и, что им не удалось поговорить до отъезда. Наверное, бабушка, у которой мы жили, была рада, что в квартире снова наступит чистота, тишина и порядок. Почему-то ей с самого начала не нравился союз родителей.

Когда люди ищут пару, они неосознанно выбирают партнёров, похожих на своих матерей и отцов. Так, например, мужчина может выбрать женщину с характером мамы или внешне похожей на неё. Если мама была властной, его может тянуть к таким же. Потому что мужчине это покажется чем-то родным, напоминающим его дом, детские впечатления и любовь. Иногда любовь грубую, непонятную, но откуда ребёнку знать – какой она должна быть? Он видит то, что есть, берёт, что дают, помнит и любит то, что видел в своём детстве.

Может быть, так произошло и в союзе моих отца и матери. Отец нашёл манящие черты в моей маме, а мама нашла своё странное счастье в его чертах.

Бывает и другая мотивация в момент выбора. Тогда мы выбираем себе пару через отторжение: «только не такую, как мама» или «только не как отец». Но в моей истории первый вариант больше подходил.

Наступила новая радостная полоса. Я снова могла пить мамино молоко и засыпать на её груди. «Наконец-то жизнь налаживается!» – мечтала я, причмокивая и прикусывая грудь. На что мама всегда хмурила брови и говорила: «А ну-ка, не кусаться!»

У меня уже целых восемь зубов, я учусь ими пользоваться на игрушках, пустышках и маминой груди.

Мои ожидания обернулись счастьем, а произошедшее показало, что всё когда-нибудь заканчивается и снова начинается. Если сейчас страшно, больно или одиноко – это не значит, что так будет всегда. Возможно, до наступления счастья нужно дождаться одного-единственного доброго утра. Жизнь учила меня ждать. И я хотела доверять ей.

Глава 12. Моё новое увлечение

Мы переехали в свою комнату, но я часто гощу у тёти Марии с дядей Мишей. Когда мама на работе, я всегда с ними. Обычно мы играем с сестрой Лизой. Она забирает погремушку, держит её на расстоянии и ждёт, когда я подам сигнал. Вижу игрушку, тянусь за ней изо всех сил, но не могу достать и начинаю хныкать. Тогда сестра возвращает её, пока родители не сделали замечание.

Сестра умнее и быстрее меня, потому что старше.

В гостях у тёти мне больше нравится, чем дома, потому что здесь всегда кто-нибудь со мной нянчится. Это намного увлекательнее, чем разглядывать свои пальцы и тени.

Недавно я открыла для себя нечто, чем могу заниматься, когда мама оставляет меня в кровати и запрещает выползть из неё. Я рассматриваю окутывающее пространство вокруг людей. Это похоже на сладкую вату или волну, которая качается вокруг каждого человека. Она бывает разных цветов и движется вместе со своим хозяином. Иногда цвет этой ваты меняется в течение дня.

Например, когда взрослые собираются за столом, у мамы цвет ваты может быть оранжево-синий. А в конце вечера, когда она с кем-нибудь ругается – уже тёмно-красный.

В обычные дни у мамы цвет этой ваты разный, чаще красный, бурый или синий.

У себя я не вижу цвет, потому что не могу отдалиться и посмотреть на себя со стороны. Тогда я рассматриваю волны, чётко следующие за движением моих рук. Они полупрозрачные с оттенком голубого, дымчатого или желтоватого. Двигаю рукой влево – волна медленно устремляется влево. Поднимаю руку или ногу – волна тоже поднимается за конечностью. Меня очень увлекает рассматривание этих цветов. Вы тоже можете их увидеть, попробуйте.

Когда мама берёт меня на руки, хочется её обнимать, исследовать лицо пальцами, тянуть за волосы и заглядывать в рот, чтобы понять – как там образуются разные слова.

Это бывает редко, маме неинтересно со мной играть, она занята устраиванием личной жизни. Ей кажется, что нужно спешить, чтобы найти нам нового папу, пока я не выросла и мало что запомню.

Чтобы призвать маму и оказаться у неё на руках, я стараюсь чаще напоминать о себе. Плача в моей реальности много, а мамы, по-прежнему, мало. Ей кажется, что дети плачут по двум причинам: либо они голодные, либо сырые. Если с моими пеленками всё в порядке, мама даёт мне грудь. Даже, если я не голодна, я ем. Потому что это шанс быть с ней, получать её безмолвную любовь, которая струится прямо из сосков в мой рот с крошечными белыми зубами. Это лучшее, что я знаю в жизни.

Оказывается, через молоко ребёнку передаются не только питательные вещества. Во время кормления мать передаёт и любовь, и поддержку, и радость, и грусть. Когда ребёнок болеет, молока вырабатывается больше. Также в нём больше антител, чтобы малыши скорее выздоровели.

Глава 13. Обман взрослых

Мы на приёме у педиатра.

Сегодня мой день. Обожаю походы в поликлинику!

Сначала я еду в коляске и рассматриваю всё вокруг: людей, деревья, машины. Потом, пока ждём своей очереди в кабинет, знакомлюсь с другими детьми и их мамами. Это очень весёлое время. Разрешено обмениваться игрушками, сосками и слюнями, тянуть за чужие распашонки и чепчики. Можно даже зафентелить погремушкой кому-нибудь по лбу – и тебя не накажут. На людях же!

После мы идём в кабинет, где меня тискают, взвешивают, замеряют.

Сегодня у нас особый приём, нужно посетить многих врачей. Они будут тихонько стучать молоточком по моим коленкам, сгибать и разгибать руки, проверять родничок на голове, считать зубы и смотреть глазное дно. Смешные – как будто у глаз есть дно. И обязательно всё записывать в мою медицинскую карту, которая то и дело пополняется новыми страницами.

Так мы ходим из двери в дверь.

Вот мы уже посетили всех врачей, кроме одного. Пришёл его черёд, заходим. Вокруг всё белое: белые стены, белая простынь на кушетке, доктор тоже в белом халате и колпаке. Мне это кажется подозрительным и, на всякий случай, я начинаю «делать мину», чтобы предупредить, мол, я уже недовольна. Но доктор и мама уверяют, что ничего страшного не будет – врач посмотрит ручку. «Дядя только посмотрит», – внушительно повторяет мама и разворачивает меня к нему. Я доверчиво разрешаю – сегодня уже все видели мои руки, кроме этого доктора. И в одно мгновение я взрываюсь от пронзительной боли! Мамочка! Что это? Ты сказала, что только посмотрят.

Извиваюсь, вглядываюсь в место боли и вижу в своём плече иглу со шприцом. Это прививка.

Зачем мне её делают? Почему так болезненно?

Кричащую и красную мама выносит меня в коридор, где я долго не могу успокоиться. В маминых глазах ищу ответы на свои вопросы, но она не даёт их. Почему она сказала неправду, а сейчас делает вид, что ничего не произошло? Как мне теперь воспринимать то, что говорит мама? А если половина из того, что она говорит, будет ложью, как тогда? Мне всегда в таких случаях будет больно?

Устав от истерики и получив бутылочку с подслащённой водой, я засыпаю в коляске по дороге домой.

В этот день мой мозг записал новый опыт: если тебе что-то говорят близкие люди, это ещё не означает, что сказанное – правда. Никому не доверяйся полностью, будь начеку.

Я ещё не подозреваю о том, что впоследствии каждый визит к врачу будет сопровождаться резким скачком адреналина, учащением пульса и всепоглощающим страхом. Что даже в тридцать лет этот опыт не позволит мне отпустить, он будет шептать: «Не верь, контролируй».

Моя рука быстро поправилась после прививки, что радовало.

И, казалось, снова моя любовь пошла на поправку!

Мы привыкли к нашей комнате и подружились с соседями. Я росла и развивалась. Несмотря на то, что врачи ставили мне отставание в развитии, каждый день я узнавала что-то новое. Например, вчера я узнала, что мне пора отвыкнуть от соски. Взрослые говорят, что от неё может образоваться неправильный прикус. Мне совсем не хочется отказываться, я держу её всеми зубами.

Чтобы поскорее меня отучить, мама намазывает её горчицей. Тогда я немедленно выплёвываю соску, потому что во рту у меня настоящий пожар. Как только взрослые могут есть такую еду – горчицу?

Видимо, всё же придётся обходиться без соски, потому что теперь она вызывает неприятные эмоции.

Постепенно начинаю забывать папу, не успев вдоволь насмотреться на него. Не знаю, почему так бывает – моего папы нет рядом, а у сестры он есть. Может, существуют какие-то правила для разных пап? Очень хотелось бы их узнать.

Шёл месяц, затем второй, третий. Пока я медленно принимала идею, что можно жить без отца, он неожиданно вернулся. Вот мама удивится, когда придёт! Он приехал, он нас нашёл! Значит, всё-таки он в нас нуждался! Так приятно слышать, что я его дочь, что он тоже имеет право быть рядом и принимать участие в воспитании.

«Конечно же, он имеет право!» – хотелось крикнуть мне, когда тётя планировала его прогнать. «Это мой отец. Не прогоняйте его», – мои просьбы осели внутри, потому что я всё ещё не умела говорить. Пока мы ждали маму, папа уговорил тётю Марию, чтобы она позволила ему пойти со мной на прогулку.

Ура! Сам папа пойдёт гулять со мной! Он будет возить меня в коляске и улыбаться мне. Я так рада, что он приехал! А вдруг они с мамой снова будут вместе? А вдруг я ему уже нравлюсь? А вдруг, а вдруг...

Глава 14. Статус родителя нужно прочувствовать

Едем через парк, солнце выглядывает из-за папиной головы и светит в коляску. Я жмурюсь, смеюсь и мои пухлые щёки становятся всё шире. Вот оно – счастье. Смотрите все – у меня есть отец!

Мы гуляли долго, на улице стало темнеть. Смесь в обеих бутылочках закончилась – её специально готовили, когда со мной гуляла не мама. За день я, как следует, рассмотрела отца, постаралась запомнить каждый фрагмент его лица – на всякий случай, чтобы не забыть. Предвкушала, что сейчас мы приедем домой и обрадуем маму, но у папы были другие планы.

Он привёз меня на вокзал. Я вертелась на его руках, смотрела по сторонам и пыталась уловить знакомые лица. Может, сейчас здесь появится мама или тётя?

Мы вошли в вагон и в нос врзался – этот тяжкий запах поезда, который был для меня запахом расставания. Когда-то я уже бывала в подобной ситуации, когда меня разлучали и увозили в чужие места. Радость сегодняшнего дня мгновенно канула в Лету, а состояние безмятежности сменилось на панику.

Поезд тронулся. Так как рядом не было мамы, я поняла, что уезжаем от неё. Годовалая девочка на руках у отца, который не знает, что делают с детьми.

Как проявляет себя ребёнок в любой непонятной ситуации? Правильно, плачет.

Я вопила без умолку несколько часов подряд – от голода и страха неизвестности. В голове не было понимания – куда мы едем, кто нас ждет, увижу ли я когда-нибудь маму снова и что с нами будет.

Поезд монотонно стучал по рельсам, пыхтел и сопел, а за окнами мелькали огни, белыми светлячками вырывающиеся из тьмы.

Под утро папа был не рад, что увёз меня, потому что я не унималась ни на минуту. Измученный бессонной ночью и злой он понял, что не в состоянии заботиться о своей дочери. Он не знал – как и чем меня кормить, когда переодевать, когда укладывать спать и почему дети плачут. Соседи по вагону сочувствовали молодому родителю, старались дать совет – как меня успокоить. Но ничего не срабатывало.

Всхлипывая, я смотрела на отца, которого так ждала, и видела в его глазах несбывшийся план. Он решил отплатить бывшей жене той же монетой – увёз дочь, чтобы отомстить и показать, что его слово тоже имеет вес.

Каждый из них думал о том, как поинтереснее проучить друг друга. Как найти тот самый большой крючок, который способен нанести рану поглубже. Этим крючком, этой разменной монетой была я. Общая дочь – единственное, что связывало родителей, заставляло их взаимодействовать, пусть и таким уродливым способом.

Любой порыв, даже продиктованный ненавистью, говорит о том, что людям не всё равно, они что-то значат друг для друга. Равнодушные – показатель того, что всё прошло и уже не цепляет. Но если отец мстил, значит, его чувства к маме ещё не остыли. Может, они не осознавали этого, но поступки выдавали их с головой.

Папа спросил у проводника, когда будет станция, чтобы уехать в обратном направлении. Он решил привезти меня обратно, чтобы не случилось что-нибудь непоправимое.

Это было спасением! Меня снова вернут домой! Зарёванная и голодная я рвалась к маме.

Неудавшееся похищение привнесло в жизнь родителей новые понимания. Папа осознал, что совсем не жаждет тянуть ляжку в виде моего воспитания и содержания, потому что дети – это не только ангельские улыбки и смех.

Маме с одной стороны было приятно указать отцу, что он потерпел фиаско. С другой она понимала, что это их окончательное расставание и отец больше не будет претендовать на меня. А значит, маме придётся самой нести все тяготы поднятия ребёнка.

В этот день для меня отворилась неведомая до того истина: рождение ребёнка не делает тебя автоматически родителем. *Формально всё так, но внутри себя человек может быть не готов к такому статусу. Он может остаться прежним – «своим парнем» или «звездой двора». Понимание, что ты родитель, должно отлежаться. Требуется время, чтобы рассматривая своё сопящее чадо, ты чувствовал ответственность отцовства или материнства. Кому-то не хватает года, пяти лет или целой жизни, чтобы впустить в себя это изменение.*

Так произошло и с моим отцом. Он воспринимал меня, как забавную куклу или младшую сестру.

Спустя сутки, ранним утром, дочь была возвращена домой. У мамы после долгих переживаний не осталось сил на выяснение отношений. Думаю, если бы она могла испепелить отца взглядом, то сделала это, не раздумывая. Как в истории племени комоксов, где женщина – дочь Орла, ушла от мужа. Когда он стал преследовать, она обернулась и испепелила мужа смертоносным взглядом.

Отец злобно спихнул меня маме и исчез на целых десять лет.

От радости ли, от горя ли, или от жалости к себе я залилась щедрым плачем на весь этаж нашего семейного общежития. Соседи постучали в стену с воплями: «Господи, дайте поспать хотя бы в выходной!» Но меня это не смущало – вернувшейся душе нужна была разгрузка.

Мама поспешила утешить и накормить меня своей грудью. Я впилась в неё, будто в ней заключалась вся моя жизнь и была на седьмом небе – снова на родных руках, окутанная запахом мамы. Сейчасливая девочка Света сладко засыпала в надежде, что самое страшное уже позади.

Сознание подчеркнуло красным ценнейшее понимание о счастье: для того, чтобы снова стать счастливым, нужно сначала лишиться привычного и настрадаться без него. После, когда оно к тебе возвращается, ты рад ему, как никогда ранее.

Глава 15. Подготовка к детскому саду

С того утра отец больше не появлялся в нашей жизни и не проявлял интереса ко мне. Мама писала ему письма – других способов сообщения раньше не было – призывала к совести и просила материально помочь. Но папа всячески избегал этой ответственности.

Время шло своим чередом, ведь у него своя задача – идти вперёд, всегда и при любых обстоятельствах. Радуемся ли мы, болеем ли, действуем мы или бросаем всё на самотёк. Время будет отсчитывать секунду за секундой, превращая их в минуты, часы, сутки, дни и годы.

Мне почти два года. Я только учусь ходить и произносить свои первые отчётливые слова. Да, с опозданием, но я это делаю. Успехи связаны с тем, что мама стала больше заниматься мной для оформления в детский сад.

Теперь я реже плачу и больше наблюдаю. Я поняла, что в слезах мало смысла. Можно подождать и получить своё без истерики, чуть позже. Ждать умеет не каждый, ведь это так тяжело. Как говорит тётя: «Побеждает тот, кто умеет ждать». Учусь этому навыку.

Скоро я пойду в детский сад. Говорят, там меня всему научат. В саду много занятий, детей, а на полдник творожная запеканка с изюмом! Спешу познакомиться с этим, поэтому стараюсь говорить словами, а не звуками.

Не все понимают мой сленг. Так и говорят: «Ничего не понимаю, что говорит эта девочка». Тогда я произношу слова снова и снова. В конце концов мы как-то договариваемся.

Ещё одна новость – в нашей семье появился новый человек, это мамин друг – дядя Дима. Он похож на медведя, потому что носит мохнатую шевелюру, имеет крепкие зубы и умеет рычать. Рычит, конечно, не всерьёз, это добрый медведь.

Дядя Медведь приносит подарки, играет со мной и смешит так, что я хохочу ещё пятнадцать минут после окончания нашей игры.

Он мне нравится, а маме – не очень. Она наблюдает за тем, как он по-доброму со мной обращается и это делает маму более снисходительной к дяде Диме.

Глава 16. Еда – способ получить похвалу

Ура, я в детском саду!

Это настоящее волшебство! Столько игрушек я видела только в магазине «Детский мир»! Лошадки, кубики, машинки, куклы, зайцы, волчки, паровозик, зоопарк, есть даже детская кухня. Пусть у некоторых кукол волосы больше похожи на мочалку и открывается лишь один глаз, но зато этих игрушек так много. Их хватит, чтобы каждый день играть в новую игру!

Ещё в саду всегда разная еда.

У нас дома главная еда – это суп. Мама не очень умеет и любит готовить, а суп решает вопрос сразу на два-три дня. Пока он не кончится, обеды и ужины примерно одинаковые, но здесь совсем не так. В саду омлеты, рис с гуляшом, запеканки, пудинги, котлеты, щи, компоты, кисели. Какао и булка с маслом – моё любимое!

Когда Коля Курочкин не хочет булку, я всегда за него съедаю, ведь за обедом мы сидим рядом. Коля совсем плохо ест – ему всё не нравится. Если в обед нам дают ложку противного рыбьего жира, чтобы дети лучше росли, тогда он вообще не притрагивается к еде. Рыбий жир полностью отбивает аппетит до полдника. Поэтому у Коли худенькие ножки, а ручки, словно веточки.

На его фоне мой аппетит считается здоровым. Воспитатели так и говорят: «Вот Света – молодец! У неё всегда чистые тарелки».

Мне нравятся эти похвалы, которые тут же заняли почётное место на подкорке: «Хочешь, чтобы тебя хвалили – ешь хорошо». Поэтому я ем. Мои руки, в противовес Колиным, выглядят так, как будто их поперёк перетянули ниточками.

Во взрослой жизни я пойму, что три складочки на животе – это некрасиво. Что приветствуется в детских фигурах, у взрослых считается недостатком.

Для того, чтобы привести себя к стройности, я научусь сидеть на диетах и разбираться в калорийности продуктов. Пойму, что еда – это один из способов получения удовольствия. Она сама по себе – ресурс, а вкусная еда – ещё и яркие эмоции.

Некоторые люди поглощают слишком много сладостей в надежде закрыть какую-то свою потребность. Но эта необходимость может быть совсем не связана с продуктами питания. Это может быть потребность в самореализации, защите, радости или успокоении.

Конечно, проблема с перееданием имеется не у всех людей, а лишь у тех, кто имеет внутренний дефицит. Кто-то мог недополучить любви или защиты родителей и нашёл способ восполнять этот пробел через питание. А если при каждом вопле ребёнка в рот совали грудь, бутылочку со смесью, конфету, тогда у него возникала ассоциация: чтобы стало хорошо, нужно поесть.

Так устроен мозг: он ищет и записывает кратчайшие пути, чтобы спасти и сохранить организм.

Поэтому для спасения и спокойствия в детстве я выбирала еду.

Глава 17. Наказание за непослушание

Мне три года. Детский сад, который я посещаю, называется «Солнышко».

На здании красуется вывеска с огромным жёлтым солнцем и танцующими вокруг него слогами «Сол-ныш-ко».

Такое красивое название, как раз для детей! Мы любим ходить на прогулку и радуемся, когда светит солнце. Если его нет, сидим в группе или на веранде.

Когда детей оставляют в группе, воспитатель придумывает занятия, пока родители не разберут детей по домам.

Иногда в пасмурную погоду воспитатель читает нам сказки. Для того, чтобы мы могли сесть на свои стулья, расставленные полукругом, нужно прибрать все игрушки. Обычно я хорошо справляюсь с этой задачей, потому что меня так научила мама – всё за собой прибирать.

Мы живём в одной комнате, всё предметы на виду, поэтому несколько разбросанных вещей мгновенно создадут беспорядок. Для игрушек дома у меня есть коробка. Когда я наиграюсь, собираю все игрушки в неё и задвигаю коробку в угол.

Конечно, я мечтаю о собственной комнате, но это в очень далёких мечтаниях.

В общежитии есть большое пространство для игр с соседскими детьми – длинный коридор, по краям которого расположены комнаты. Там мы играем даже в мяч. Главное – не попасть им в чужие двери.

В группе в мяч не поиграешь, это запрещено. Там не место для подобных игр и нужно беречь стёкла. Разбить их никак нельзя, потому что станет холодно, да и родителей сразу вызовут к заведующему. Такие происшествия считаются в саду чрезвычайными, о них гудят потом целый месяц.

Поэтому все активные игры – только на улице.

Сегодня после тихого часа как раз дождливая погода, значит, прогулка не планируется. Будем лепить из пластилина или рисовать.

С нами занимаются два воспитателя: Ольга Сергеевна и Галина Ивановна.

Галина Ивановна совсем не похожа на название сада. Она напоминает тучу, мы все её боимся. У неё короткая стрижка, красные волосы и много украшений на руках. Когда дети в сборе, Галина Ивановна закрывает дверь в группу и командует громким голосом. Если её кто-то не слушается, ставит того ребенка в угол или закрывает в тёмной спальне, аргументируя тем, что у неё болит голова и нет сил повторять свою просьбу дважды.

Однажды она и меня заперла в спальне. Мне было так страшно там, в темноте, что я стала стучать в дверь, но её не отпирали. Я плакала и просила прощения, но воспитательница говорила: «Посиди, подумай над своим поведением».

Тогда от страха я спряталась в один из старых шкафчиков, которые раньше стояли у нас в раздевалке. Закрылась изнутри, и мне стало спокойнее, я почувствовала себя защищённой.

Потом меня, конечно, выпустили. После освобождения я долго не могла смотреть на свет и щурилась из-за долгого нахождения в тёмном помещении.

Сколько времени я там провела – неизвестно, но казалось, что прошёл целый день.

Второго воспитателя зовут Ольга Сергеевна. Я долго не могла запомнить её отчество, но потом поняла, что оно похоже на слово «серьги». *Вообще, это прекрасный способ запомнить всё, что угодно – искать ассоциации к словам. Можно даже целое стихотворение записать для себя всевозможными символами и быстро выучить его наизусть. Наш мозг видит не буквы, соединённые в слова, он притягивает образы к этим словам. Если попросить десятерых человек представить чашку с чаем, то не будет ни одного похожего образа. У кого-то чашка окажется изящной, с золотой каймой. У другого – чисто-белая, а у третьего это*

будет большой бокал. В одном образе чай будет чёрным и крепким, с чайниками. В другом – лёгкий, с мятой и листом смородины. Каждый представит себе образ, согласно своему опыту.

Вот и для меня отчество «Сергеевна» – это про серьги. Серьги мне очень нравятся, всегда рассматриваю их у мамы в ушах. Они бывают красные, зелёные, золотые, длинные и короткие. А ещё у мамы есть серьги в виде ножниц. Когда она их вдевает в уши, кажется, что эти маленькие ножницы прокалывают уши насквозь. Но мама говорит, что это такой фокус и что ей совсем не больно. Когда я вырасту, обязательно куплю себе такие же.

Я ещё маленькая, поэтому рано носить серьги, но я видела, как другие девочки примеряли серёжки от тополя, когда тот их скидывал в начале лета. Попробую найти самые длинные тополиные серьги в следующем году.

Так вот, Ольга Сергеевна совсем не такая, как Галина Ивановна. Она любит юбки и платья «в пол», заплетает свои соломенные волосы в длинную косу и всегда улыбается. Она любит всех детей и никого не ставит в угол. Тем, кто слушается или хорошо ест, она в первую очередь даёт драже перед тихим часом. Потом все должны открыть рты и показать, что от витаминки не осталось и следа. Потому что оставлять их на тихий час во рту опасно – можно подавиться.

Меня Ольга Сергеевна гладит по голове и может даже поцеловать, когда я соберу красочный узор из мозаики. Это необычно, потому что даже мама меня не целует. Я так радуюсь её доброте, что иногда крепко обнимаю. Утром, когда прихожу в детский сад и вижу, что она дежурит, мне сразу становится спокойно.

Если мама задерживается на работе, Ольга Сергеевна не злится. Она расспрашивает меня про семью, про то, кто сегодня первый толкнул Владика, понравился ли мне манный пудинг и остальное. Потом приходит мама, извиняется, мы в спешке одеваемся и идём домой.

Мне не очень нравится, когда меня из садика забирает мама, потому что она всегда уставшая и не любит разговаривать. Мне же непременно хочется поговорить с ней. Узнать, почему голуби толстые, а воробьи – нет? Почему нельзя шлёпать по лужам? Почему зимой запрещено есть мороженое на улице и всё-всё-всё.

Когда приходит дядя Дима, это совсем другое дело!

Он строит рожицы и смешит, пока я одеваюсь. Не ругает, что я испачкалась на прогулке и у него всегда хорошее настроение. От него часто пахнет каким-то странным виноградным одеколоном.

На выходе он сажает меня на плечи, и мы идём так до дома. Вернее он идёт, а я гордо восседаю на его плечах и держусь за густую шевелюру. Когда он начинает наклоняться вперёд, притворяясь, что мы падаем, я кричу и смеюсь одновременно.

Прохожие недоверчиво глядят на нас, а мне совсем не страшно. Я же знаю, что взрослые не могут падать – у них всё под контролем.

Дома мама ругает дядю Диму. Говорит, что нас слишком долго не было, что ему не должны были отдавать ребёнка, что у меня с ноги потерялся ботинок и теперь нужно покупать новые.

В такие вечера меня загоняют спать раньше обычного, но я долго слышу громкие выкрикивания мамы и обещания дяди Димы, что это больше не повторится.

В шестнадцать до меня дойдёт, что дядя Дима приходил в детский сад в пьяном виде, поэтому мама ругалась. Прохожие смотрели на нас с тревогой, понимая, чем такие забавы могут обернуться. От него пахло не «виноградным одеколоном», а винным амбре, а когда мне казалось, что мы падали, это не было шуткой.

Но это всё потом, а пока я от души радовалась весёлому времени.

Дети весьма «близоруки» и не умеют оценивать происходящее в перспективе. У них всё важное должно произойти сегодня. Сегодня хочу не спать до утра, сегодня хочу съесть килограмм конфет – и какая разница, что завтра? Главное, сегодня мне радостно. Даже если бы

мне сказали, что друг мамы нетрезв и что идти с ним домой небезопасно, вряд ли я стала бы осторожней, ведь сегодня было так весело.

Глава 18. Падать не больно, больно вставать

В выходные не нужно было идти в сад и на работу, можно было поспать подольше – так говорили взрослые. Но мне никогда не хотелось спать дольше. Да и зачем, если ещё столько неизведанного? Мы с сестрой Лизой и детьми из соседних комнат любили путешествовать по общежитию. Так как мама Лизы работала комендантом, нашей компании разрешалось немного больше, чем всем остальным.

Однажды, пока взрослые готовили обед на общей кухне, мы пошли в холл общежития. Там были составлены друг на друга старые основания кроватей с сеткой. Сеток сначала было две, потом добавились ещё и, в конце концов, они возвышались почти до самого потолка. Мы просили наших мам разрешить попрыгать на них, ведь это так увлекательно – почти, как в цирке. Нам не разрешалось к ним подходить, говорили, что это очень травмоопасно, но сегодня разрешение было получено. Наперегонки мы ринулись к этим сеткам, замедляя друг друга и хватая за подол платья. Когда пришли, стало ясно – почему нам разрешили. Основания были составлены одной башней и дотягивались до самого верха так, что попрыгать на них не было ни какой возможности. Сначала мы расстроились, но потом решили хотя бы попробовать.

Дежурившая внизу женщина хмуро посмотрела на нас и спросила: «Малышня, где ваши родители? Знают ли они, чем вы тут занимаетесь?»

Мы ответили, что мамы в курсе, тогда женщина потеряла к нам интерес и уткнулась в газету, как прежде, а мы начали ползать по кроватям, как по скалам.

Родители двоих друзей, прознав про это занятие, сразу забрали своих домой. Остались мы с сестрой. Лиза, как всегда, хотела быть первой. Я тоже хотела первой забраться на самый верх и стала быстро карабкаться и цепляться за металлическую сетку пальцами. Но всё же сестра проворнее, она заметно опережала.

Вскоре она оказалась под самым потолком и выше было не забраться. Так как я приближалась, Лиза начала наступать ногами мне на пальцы, чтобы заставить отступить. Но я тоже хотела увидеть холл с такой высоты и продолжала отстаивать свой подъём.

В какой-то момент я посмотрела вниз и подумала: «Надо же, как высоко. А что будет, если не удержусь?»

В тот же момент я ощутила сильнейшую боль в руке, потому что сестра надавила со всей силы на мои пальцы. Я больше не могла держаться, отпустила руку и полетела вниз.

Это произошло за секунду – хлопок и тишина. Я слышала только хлопок от своего тела, когда оно приземлилось на кафельный пол. Следом появился монотонный звон в ушах.

Казалось странным, но я не чувствовала боли. Её не было ни на одном участке тела. Наверное, так организм защищает хозяина от паники, которая в стрессовой ситуации только усугубит положение. *Наверняка вы знаете – когда мы испытываем сильную боль, думать о чём-то другом весьма сложно.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.